

ПОДАРИ, ГОСПОДЬ, МЕЛОДИЮ...

Подари, Господь, мелодию,
Ни богатую, ни бедную,
Чтоб ее миряне слушали
По утрам да вечерам,

Те, кто жил со мной на Родине,
Что была одна заветная,
Цветом яблоневым, грушевым
Часто в детстве снилась нам.

Подари, Господь, мелодию,
Чтоб летела с ветром светлая
До днепровских вод, до Терека
По-над крышами домов,

Тех, в которых юность пройдена
Под раскидистыми ветками
Одного большого дерева,
Где хранила нас любовь.

Поутру поле расцветет
Васильками, маками...
Над Землей солнышко взойдет,
Всех согреет одинаково.

Подари, Господь, мелодию,
Чтобы слабых вразумила бы,
Наделила глупых верою
В то, что мир нужней войны,
Чтобы тех, кто несвободен был,
Наградила доброй силою,
Той, которая потеряна
На развалинах страны.

Подари, Господь, мелодию...
В шесть утра мне лучше слышится.
Разнесу ее, хорошую,
Вместо горького вина.

Тем, кто жил со мной на Родине,
Мандариновой и вишневой,
Той, что снегом запорошена
И песком занесена.

КАК РОЖДАЕТСЯ ПЕСНЯ

Как рождается песня... Сначала спускается ангел.
Проверяет, закрыта ли дверь, есть ли кофе в достатке,
Выгоняет гостей, убирает подальше стаканы,
Достает сигареты и ручку кладет на тетрадку.
Я ему не мешаю, он очень талантливый малый,
Подрастет — горе нимфам, живущим в беспечности
юной.

Прикасаясь к плечу, мановеньем снимает усталость
И неведомо, как оживляет умершие струны.
Напевает мотив, исправляет неточную рифму,
Неназойливо гладит собаку, лежащую рядом,
Ставит пальцы мои на лады полустертые грифа,
Не спуская с меня своего боголепного взгляда.
Проходя мимо клавиш, нажмет пару нот ненароком,
Я, конечно, молчу, пусть резвится несносный ребенок.
Но как хочется дернуть его за смеющийся локон.
С фонарем я искал эти звуки три ночи бессонных.
Ангел знает об этом, его посвятил в мои тайны
Тот, которому служат крылатые голые дети.
Лист исписан. И звезды волшебные тают.
Ночь уходит, и друг покидает меня на рассвете,
Подмигнув на прощанье, отдернув окна занавеску,

Мальчик тихо взлетает к заоблачным райским
чертогам.

Как рождается песня, одному только Богу известно...

Я к тому не причастен... Спросите об этом у Бога...

МУЗЫКА ИЛИ СТИХИ

Как часто ночью в отзвуках шагов
Строфа дрожит, шатается и рвется...
Мне стих без музыки так редко удается –
Я должен слышать музыку стихов.
Я должен чувствовать мотив своей души,
Слова без музыки мертвы в моем искусстве,
Как без солдата мертв окопный бруствер –
Один он никого не устрасит.
Как надо понимать звучанье фраз:
Где крикнуть, где шепнуть на верной ноте?
Стихи и музыка – вы песня – плоть от плоти!
Стихи и музыка – не разделяю вас!
Я в каждом такте должен прочесть
Стихотворение, написанное в звуках,
И различать раздумье, радость, муку,
И в нотах эти чувства записать.
Какой глупец сказал, что песня – это стих!
Какой невежда музыку возвысил!
Кто так унизил песенную мысль
В своих речах напыщенно-пустых!
И я, забывшись в песенном бреде,
Как заклинанье повторяю снова,
Что музыкант лишь тот, кто слышит слово,
Поэт лишь тот, кто с музыкой в ладу.

* * *

Перелесками осенними
Перечитывал Есенина,
И нечаянно пригрезилась
Русочубая поэзия.

И еловыми ресницами,
Словно бабушка со спицами,
За чудным вязаньем сказку мне
Все рассказывает ласково.

Запуржила, заморочила
Кружевязынными строчками,
Заплела в косички бантики
Первокласснице-романтике.

Размотала всех чудес клубок
Меж зеленых вересков дорог,
Завела, накуролесила
И связала эту песенку.

МУКИ

Я срок переходил. Под сердцем плод тяжелый.
Боюсь, что мертвое рожу теперь дитя.
А доктора мои — ханыги и пижоны,
Им не понять самим, чего они хотят.

А коль стихи умрут, свет белый не обидев,
Так для чего живет тот, кто грешил в ночи,
Тот, кто ласкал перо, в нем женщину увидя,
И кто, прикуривая, пальцы жег на пламени свечи?

Стихи стучатся в мир доверчиво и властно,
Они ломают кость и выгрызают плоть.
Но не родиться им — все потуги напрасны,
И леденит мне грудь сыновнее тепло.

Я схваток не боюсь, как избавленья жду их
От всеночных моих болезненных толчков.
Я не хочу нести кладбищенскую тую
На холмик мертворожденных стихов.

Все к этому идет: идущий да обрящет.
Но что обрящет он, во мне сидящий плод?
А телефон молчит, и пуст почтовый ящик —
У докторов моих полно других забот.

МЕНЯ НЕ ПОСАДИТЬ

Меня не посадить — я это твердо знаю.
Пусть отдохнут пока «казенные» дома.
Меня не посадить, хотя давно пугают,
Меня не посадить — я сам себе тюрьма.

Я сам себе тюрьма, нет камеры надежней,
Давно томится в ней души моей рассказ.
Меня не посадить, хоть это так возможно,
Меня не посадить ни завтра, ни сейчас.

Я сам себе тюрьма, я на воде и хлебе,
И самого себя мне не освободить.
Меня не посадить на суше или в небе,
На море иль в горах — меня не посадить.

Но, как в решетки, вдруг забьется ночью сердце
О ребра, что его отринули от дня.
Когда оно болит и дверь открыта смерти,
Я точно знаю — им не посадить меня.

И вспомнив все тепло, что я собрал по крохам,
И холод остальных беспечно извиня,
Сведенным ртом шепну с последним хриплым

ВЗДОХОМ:

«Я все-таки был прав — не посадить меня».

ТО ЛИ К ЛЮДЯМ, ТО ЛИ ОТ ЛЮДЕЙ...

То ли к людям, то ли от людей,

Не понять...

От кого я жду вестей,

Как узнать?

Почему стена на меня

Темной ночью валится,

И трещит спина, стену извиня,

Над глухою сжалившись.

То ли в ад мне постучаться,

То ли в рай, в благодать,

То ли в тишь опять податься,

То ли в гладь, то ли в мать...

Повиниться ль мне во грехах

У иконки старенькой?

Иль напиться вновь и брехать

В зоровое морево?

Ночью надобно себя лечить,

А не днем.

Там орут коты в ночи –

В нее, как в роддом.

Даже плач — обман, и в дома

Разбежались серые.

В голове — туман. Горе от ума!
Что же делать с нервами?

Может, плюнуть,
Сапогом плевок растереть?

Года три не сплю ведь,
Враз могу помереть.

В черепе моем, как огнем,
Все горят извилины.

Сдал бы кто внаем дом,
Втроем мы козла забили бы!

То ли к людям, то ли от людей,
Скажет кто?

Окромя двух-трех друзей,
Что еще нажито?

Телефон знобит, и дрожит
Трубка малярная,

Снова надо быть, надо жить
Прима-балериною.

Снова надо пить, надо петь,
Жилы рвать,

Снова уходить, приходиться,
Забегать.

Только не хочу, закричу
(Сердце скачет мячиком):

«Мама, я лечу! Ставь свечу!
Там за все уплачено!»

* * *

Я все время живу на гражданской войне,
Ощущение мира душе не знакомо,
Потому что свобода и воля во мне
Постоянно воюют с законом.

РЕКВИЕМ

Голова гудит, будто вдрызг был пьян,
А в душе тоска сердце мучает.
По пятам за мной ходит смерть моя
И все ждет удобного случая.

А шаги ее за сто верст слышны,
Бедолагу жаль — задыхается.
И поэтому так рука спешит,
И за струны пальцы цепляются.

Стали дни на дни непохожими,
Стали дни летать, словно месяцы.
Ставлю в вазу цвет — вянет в тот же миг,
Видно, ждет косая на лестнице.

Сотню лет назад был я лекарем,
Уставал как пес да летал во сне.
А нынче вот пишу себе реквием.
Знать бы, когда он пригодится мне.

Оселок с косой все ясней звенят,
Все чего-то жду, да вот глупо как!
Доня-донюшка, обними меня,
Поцелуй меня, моя любонька.

Обними меня, мое золотко,
На колени сядь, душу успокой.
Кровь стучит в висках тяжким молотом,
Отними его — посиди со мной.

МУЗЫКА

Не молчи, рояль,
 днем и ночью в мире звуков я,
 То звучит в груди любовь моя.
Пусть родится волшебный свет,
 что в ночи озарит мой путь,
Пусть удачи глотнет поэт
 в миг, когда больше не уснуть.
И, как птицы, из-под пера
 в небо ринутся сотни слов,
И на клавишах до утра
 будет праздновать пир любовь.
И на клавишах до утра
 будет торжествовать любовь.

Не молчи,
 прошу.
Голову мне кружит
 весен шум,
Только лишь любовью
 я дышу,
Лишь одной любовью
 я дышу.

Лишь теперь понял я,
как стар
этот мир,
как же он устал,
Если даже для нас двоих,
Он так тесен
для нас двоих.

Как же все поместилось в нем,
Сколько вытерпел этот мир,
Если все то, о чем мы поем,
Разбивалось о твердь земли.

Ночь прошла, и в ней
Растворились судьбы двух людей.
Одного из них ты пожалей.
Дай, рояль, мне один лишь шанс,
Песню дай ту, которой нет.
А потом пусть покинет душа
Мое тело, избавив от бед.

И, как птицы, из-под пера
в небо ринутся сотни слов,
И на клавишах до утра
будет праздновать пир любовь.
И на клавишах до утра
будет торжествовать любовь.

ПОДЗАБОРНАЯ СТРУНА

Как на гриф резной
Натянишь струной.
Захлестнишь петлей за колок.
Зазвенит нутро,
Да не серебром –
Песни той острог недалек.

На струну-металл
Жила навита,
Дождь ее хлестал – не жалел.
А жила, ох, тонка,
Лопнув, охнула,
И развилась судьба, мой удел.

А как лопнула,
Дверью хлопнула,
Будто в лоб дала, в бровь и в глаз.
Будто невзначай
Боль мою зачав,
Будто закричав в первый раз.

Снова на дворе
Сердце надвое,
Я год за два ел — довела.
Заневестились
Струны песнями,
А моя вдовой померла.

И оборвана
Подзаборная,
Пьянь задорная, похмели.
Поцелуй взасос,
Иисус Христос,
Злым распятем губы мои.

ПЕСНЯ О ЗАВИСТИ

Я вышел на тропу войны,
Врага известно имя — зависть.
Калечит души, мысли травит,
Переиначивает сны.

Друзья, погубленные ей,
Не приходя в себя, скончались,
А зависть празднует ночами
Победы подлости своей.

Когда весь мир собой очаровал
Волшебный звук изысканных сонат,
Тогда Сальери Моцарту в бокал
Подсыпал яд.

Когда давно, полмира покорив,
Великий Рим свершил свой правый суд,
Тогда кинжалом Цезаря сразил
Коварный Брут.

Я вышел на тропу войны,
Мой враг украл у многих разум,
Как из оправ крадут алмазы,
Лишив бесценные цены.

Не может зависть быть бела,
Коль не приносит людям счастья,
Она чернеет с каждым часом
С тех пор, как в сердце родилась.

Остановив созвездия рукой,
Продлив до бесконечности свой век,
С отрубленной седою головой
Пал Улугбек.

Казалось, гладиатор победит,
Не смог сдержать Сенат его атак,
Не силой — был предательством разбит
В бою Спартак.

ПОЕДИНОК

Вот я стою в прожекторах лучистых,
Я весь горю — секунды этой ждал.
А там сидят «народные артисты»,
Ни разу не смотревшие на зал.
И впереди у нас смертельный поединок,
Я уязвим — они мне не видны,
Я здесь один. Они — в строю едином.
Их легок путь — мои шаги трудны.

Поэты, не создавшие ни строчки,
Но знающие, как писать стихи.
Таланты, не сходящие с обочин,
Но пьющие французские духи!
О, как им скучно, знатокам вселенским,
И, ногу на ногу изящно положив,
Из глаз презрительную исторгают светскость,
Как лимузины исторгают гаражи.

Но делом заниматься надо, делом,
И драться за него со светом всем.
Гораздо легче в кресло бросить тело
И рассуждать о сложностях проблем!

Везде и всюду ждут несовершенства,
Заранее заряжены хулой.
И оттого лишь наверху блаженства,
Что в пепле сердца слышат слог сырой!
В охрипших связках — неоригинальность,
В поту работы — сила без ума...
Так пробуйте найти свою тональность,
Пытайтесь сами написать свои тома!

И делом занимайтесь, люди, делом,
Деритесь за него со светом всем!
Гораздо легче в кресло бросить тело
И рассуждать о сложностях проблем!

«Лицом к лицу лица не увидать,
Большое видится на расстоянии».
Ну, это, знаете ли, как еще сказать,
Неплохо бы иметь к тому желание!
Лицом к лицу, вестимо, нелегко,
Особенно когда ты ниже ростом!
Другое дело, если далеко,
Тогда все ясно и тогда все просто!

* * *

Смотрю удавом в зал замороженный,
А под ногами сцена, как огонь.
Сейчас опять полезу на рожон я,
Хотя не надо лезть бы на него.

Над скулами два глаза изможденных,
Не ведает мой голос, что творит,
Но все-таки полезу на рожон я,
Хоть горло мое стонет и болит.

Заплетены на грифе в узел руки,
И током микрофон бьет по губам.
За что я принимаю эти муки,
Что я такого, струны, сделал вам?

Срываю по пути с себя одежды –
Да отверните же скорее жен!
Я, как на дыбе, извиваюсь между
Землей и этим пиковым рожном.

Когда-то был доверчивым и нежным,
А нынче каждой жилой напряжен,
И мышцы живота уже не держат
Мой страшный крик: «Я лезу на рожон!»

И вот стою... Но что, рожна какого
Мне надо было здесь, на высоте?
Я вниз спущусь, а завтра буду снова
Вывихивать суставы из костей.

А финиш там, за виражом,
Время не терпит.
Святым дыханьем обожжен
До самой смерти,
Гримасой боли искажен,
Я рвусь до цели
И лезу,
 лезу,
 лезу,
 лезу,
 лезу на рожон

На этой сцене!..

НЕНОВАЯ НОВЕЛЛА О НОТНЫХ ЗНАКАХ

Каждый человек — это нота.
Диезы повышают ее на полтона,
бемоли понижают ее на полтона,
а бекары возвращают эту ноту
на прежнее место.

Я — диез на нотном стане.
Повышаю на полтона
Сумасшедшими мечтами
Крик в ночах своих бессонных.
Когда голос мой измучен
И круги перед глазами,
Я — диез, в моем трезвучье
Радостно бушует пламя.

В том огне, хрипя от боли,
Не вытягивая ноты,
Я завидую бемолям,
Их несолнечным заботам.
И хочу к тебе быть ближе,
С нотоносца оборвавшись,
Вниз, всего на тон пониже,
От мажора вдруг уставший.

По линейкам я спускаюсь,
Ужасая ключ скрипичный,
Вниз, за паузы хватаясь,
Как ветра за крылья птичьи.
И в бемоль согнувшись кроткий,
В своей песне бесполезной
Вспоминаю о решетке
Пламеносного диеза.

Я — диез, в полтона гордый
Знак, сгорающий пожаром.
Иногда — бемоль покорный,
Только бы не быть бекаром!
Я — диез на нотном стане.
Повышаю на полтона
Сумасшедшими мечтами
Крик в ночах своих бессонных.

* * *

Все поймешь ты, Париж, и, Нью-Йорк, мне прости,
Я вас видел, вашу музыку слушал.
Но эту песню пишу на кабацкий мотив,
Чтоб согреть чьи-то блудные души.

Кто-то — бард, кто-то — панк, кто-то — вдруг шансонье.
Нынче рокеры модными стали.
Пусть поют, дай им Бог, только жили бы те,
Гусярами когда-то их звали...

Одинаково все: и походка, и масть,
Все, как там, только в сто раз дешевле.
С негритянским акцентом — про русскую мать
И с прононсом — о русской деревне.

При косе — про коней и романс — при серье...
Боже, где ж вы, мужчины России?!
Бабы нынче правы: лучше сдохнуть в тоске,
Чем быть сильной при вашем бессилье.

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Лишь едва затихнет от сует уставший мир
На исходе маятного дня,
Шрамы на спине моей, исхлестанной плетью,
Мучают и вдаль зовут меня.

Выбиваю телом закопченное окно,
Расправляю черные крыла
И врываюсь в темень, где прощенное мной зло
За добро опять желает зла.

По ночам над крышами один летать люблю,
Подразнить луну всегда был рад.
Чувствую всей кожей, каждой клеточкой ловлю
Одичалый, злой кошачий взгляд.

Где ж ты, Маргарита? Я не Мастер, но хочу,
С Воландом чтоб ты меня свела.
Только до утра дорогой звездною лечу,
Утро отберет мои крыла.

Только Дьявол нынче изболевшейся душе
Колдовское снадобье найдет.
Только Сатана в коварном этом мираже,
Только Сатана меня спасет.

Только он поможет, только он вдохнет в уста
То, с чем можно вытерпеть и жить
В горемычных этих, Богом проклятых местах,
Где добром не в силах дорожить!

Лишь едва затихнет от сует уставший мир
На исходе маятного дня,
Шрамы на спине моей, исхлестанной плетью,
Мучают и вдаль зовут меня...

КАМИКАДЗЕ

Народному артисту России Л. Филатову

Я по совести указу
Записался в камикадзе.
С полной бомбовой загрузкой лечу.
В баках топлива — до цели,
Ну а цель, она в прицеле,
И я взять ее сегодня хочу.

Рвутся нервы на пределе,
Погибать — так за идею.
И вхожу я в свой последний вираж.
А те, которые на цели,
Глядя ввысь, оцепенели,
Знают, чем грозит им мой пилотаж!

Парашют оставлен дома,
На траве аэродрома.
Даже если захочу — не свернуть.
Облака перевернулись,
И на лбу все жилы вздулись,
И сдавило перегрузками грудь.

От снарядов в небе тесно,
Я пикирую отвесно,
Исключительно красиво иду.
Три секунды жить осталось,
И не важно, что так мало,
Зацветут еще мои деревья в саду!

Не добраться им до порта.
Вот и все. Касаюсь борта,
И в расширенных зрачках отражен
Весь мой долгий путь до цели,
Той, которая в прицеле.
Мне взрываться за других есть резон!

Есть резон своим полетом
Вынуть душу из кого-то
И в кого-то свою душу вложить.
Есть резон дойти до цели,
Той, которая в прицеле,
Потому что остальным надо жить!

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Прыжок мой слишком затянулся:
Все купола давно открыли,
Пора и мне уже хвататься за кольцо.
Пора на землю мне вернуться,
Пора глотнуть дорожной пыли –
Довольно ветру измываться над лицом.

Но как мне с небом распротиться,
С огромным небом распротиться?
В котором только я да птицы,
И возвращаться не хочу,
И я лечу, но я лечу...

Из поднебесья путь не вечен,
И он, как жизнь, быстротечен.
И там один ты – на других надежды нет,
Там не выклянчивают денег,
Там взлета нет – одно паденье...
Но в том паденье – только взлет – и в том секрет,

Что с небом мне не распротиться,
С огромным небом не проститься,
В котором только я да птицы,
И возвращаться не хочу,
И я лечу.

Вот я уже под облаками –
Меня никто не ждал так скоро.
Им страшно там, внизу, до колотья в паху.
А мне не справиться с руками,
Они, как крылья без мотора,
И сердце верит только в то, что наверху..

...Земля подкралась незаметно,
Ведь в миг почти на десять метров
В секунду на секунду ускоряюсь я..
И, оттолкнувшись от потока,
Я рву кольцо и режу стропы..
Прими таким, какой я есть, меня, земля..
Ведь с небом мне не распротиться,
С огромным небом не прост..

БАЛЛАДА О ЗЕМЛЕПАШЦЕ

Когда наступает время убрать, что давно посеял,
Когда наступает время, которого ждал всю жизнь,
То, прежде чем выйти в поле, босым в золотое поле,
В рассветное свое поле, ты вспомни и оглянись.

Как пни корчевал лопатой, пилою вгрызаясь в корни,
Как воду, живую воду на землю сухую лил.
Как часто дразнились дети, как взрослые усмехались
И как леденящий ветер на пашню тебя валил.

Ты вспомни, как, рук стесняясь,
Протягивал их к Мадонне,
Ведь был у тебя младенец, ну как у Нее на вид.
Но рос он не очень крепким, и, часто недосыпая,
Ты проклял свои колени, распухшие от молитв.

Подумай: уже не надо одалживать под проценты,
И твой ростовщик клянется, что ты его лучший друг.
Уже провожают взглядом все те, кто плевал когда-то
Сквозь зубы змеиным ядом на твой одинокий плуг.

Подумай, подумай крепко пред тем, как на поле выйти,
Пред тем, как собрать все то,
Что по праву ты заслужил.
И будет напиток терпким, а ужин с друзьями сытен,
И свет не погаснет в окнах, поскольку ты верно жил.

ПЕСНЯ О ГОНЧАРЕ

Жил старик, колесо крутил,
Целый век он кувшин лепил,
На ветрах замешивал воздух.
И скрипел друг, гончарный круг,
Тихо пел рано поутру
Старец и мудрец талым звездам:

«Ты вертись, крутись, мое колесо,
Не нужны мне ни вода, ни песок,
Напоит людей росой мой кувшин,
Мой серебряный кувшин.
Будет легким он, как крик птичьих стай,
И прозрачным, будто горный хрусталь.
Тоньше тонкого листа у осин
Будет лунный мой кувшин».

Годы шли, спину сгорбили,
Круг скрипел, ветры гордые
Затихали в пальцах покорно.
И смеясь, а что худого в том,
Люд кричал: «Сумасшедший он!» –
Но в ответ шептал старец вздорный:

«Ты вертись, крутись, мое колесо,
Не нужны мне ни вода, ни песок,
Напоит людей росой мой кувшин,
Мой серебряный кувшин.
Будет легким он, как крик птичьих стай,
И прозрачным, будто горный хрусталь.
Тоньше тонкого листа у осин
Будет лунный мой кувшин».

Зло свое кто осудит сам?
Раз в сто лет чудо сбудется,
И засверкал кувшин круторогий.
Полон был до краев водой,
Голубой ледяной росой.
Пей, путник, он стоит у дороги.
И теперь зависть белая,
И теперь люди веруют,
И чудеса в цене потеряли.
А дожди грустной осенью
С неба ветром доносят нам
Лишь обрывки песенки старой:

«Ты вертись, крутись, мое колесо,
Не нужны мне ни вода, ни песок,
Напоит людей росой мой кувшин,
Мой серебряный кувшин.
Будет легким он, как крик птичьих стай,
И прозрачным, будто горный хрусталь.
Тоньше самой тонкой струнки души
Будет лунный мой кувшин».

* * *

Мама, послушай, случилось несчастье:
Вчера из груди моей птица вспорхнула,
Та, что жила во мне долго, беспечно...
И улетела, и не вернулась...

А я думал, вечно
У сердца ей быть под рубахой,
Чтоб взмахом единым — крыла и руки —
Могли бы чертить мы узоры строки,
Чтоб вместе смеялись с зарею рассветной
На росных равнинах зеленого лета
И плакали вместе...

Нет, видно, напрасно

Я птицу свою не держал взаперти.
Лишь петь начинал, как, вплетаясь в мотив,
Она улетала, чтоб снова вернуться,
Заснуть и опять с первым звуком проснуться...
Так что же случилось? Я был с нею дружен,
Любили мы, каждый друг другу был нужен,
Сманил, может, кто-то?..

Не верю! Она

Дыханьем моим в одну ночь создана,
Как создан Адам был,

И мне лишь служила.
Ее не отдал бы, как тяжело б ни было...
Но птица умчалась
Стрелой белокрылой...
Послушай меня, моя мама, послушай,
Быть может, я слишком открыл свою душу
Им всем, пустобрехам и неблагодарным?
Я песни дарил, как на свадьбу подарки,
И предал ее, мою белую птицу?
Она улетела...
Она возвратится!

ГОЛУБИЦА

На гитару мою ночь тихо села,
Опустилась мгла на тонкие струны,
Вдруг из сердца голубица взлетела,
И холодный ветер в форточку дунул.

Унесла мою печаль голубица,
То-то струны, онемев, замолчали.
Надо плюнуть бы на все да влюбиться –
Непривычно как-то мне без печали.

Непривычно целый день веселиться,
Непривычно по ночам спать вполтела,
Возврати мою печаль, голубица,
Не твоя она, печаль, вот в чем дело.

Жили столько лет мы с ней душа в душу,
Где она, где я – сам черт ногу сломит.
Зря, видать, я братана не послушал,
Стало тесно от гостей в моем доме.

Похохатывает филин в чащобе
За сто верст от моего сумасбродства,
Заряжу-ка я стволы свои дробью,

Грянем — как оно тогда повернется,
Глянем — как оно тогда повернется?

Белокрылая тот выстрел услышит
И ворованное счастье обронит,
Упадет печаль дождями на крыши
И рукою братана струны тронет...

СУД НАД ГИТАРОЙ

Я вчера устроил над своей гитарой суд
И приговорил ее к расстрелу.
Изменила голосу,
Подрубила она сук,
На котором столько лет сидела.

А я глоткою выделявал такие кренделя,
Что стены глохли и собаки выли.
А она шептала, тля,
Тихо, нежно, смеха для
Тренькала мотивы зоревые.

Какая ж тут заря, когда без просыпу туманы
И не видать огней за белой пеленой.
Канавы залиты водой,
И подорожники уже не лечат раны.
Какая ж тут заря!
Зачем шутила ты, гитара, надо мной?

Я был и защитник, и судья, и прокурор.
Ох, она виляла и юлила.
Но был коротким разговор,
И на расправу был я скор.
И вот ждала обманщицу могила.

А песни, ею созданные, плакали: «Прости!»
Мол, душу отогрей жестокосердную.
И, ломая руки, мною недоношенный стих
«Милосердия, — кричал, — милосердия!»

Ну как же тут простить,
Когда без малого лет двадцать
Я поверял ей все и чуть еще,
И слезы ярости со щек текли на талии трех
граций...

Ну как же тут простить,
Когда я на полу, и смерть открыла счет.

Расстрелял. Покойницу стаканом помянул.
Как-никак, а мне была она подругой.
Лег без простыни, вздохнул
И, намаявшись, уснул,
Но вскочил под утро от испуга.

Какая ж тут заря, когда без просыпу туманы
И не видать огней за белой пеленой.
Канавы залиты водой,
И подорожники уже не лечат раны.
Какая ж тут заря!
Зачем шутила ты, гитара, надо мной?

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Ей-богу, грех в такую ночь
Не выйти на свиданье к городу и снегу
На улицы, шуршащие от бега
Обветренных машин.
Увидеть отражение души
В колодце черного двора
И вспомнить, вспомнить, вспомнить про вчера,
Уснувшее в заснеженной,
 уснувшее в заснеженной,
 уснувшее в заснеженной
Тиши,
 тиши,
 тиши...

Как белые ночные мотыльки,
Как белые ночные мотыльки,
Летают возле фонарей снежинки –
Пылинки вечности по имени Зима,
И белыми громадами дома,
И белыми громадами дома
Нависли над безлюдьем тротуаров...

ПО СНЕГУ

По снегу, летящему с неба,
Глубокому белому снегу,
В котором лежит моя грусть,
К тебе, задыхаясь от бега,
На горе свое тороплюсь.

Под утро земля застывает
И снегом себя засыпает,
Чтоб стало кому-то тепло.
Лишь я, от тоски убегаю,
Молю, чтоб меня занесло.

И каналы тянут руки серые ко мне,
И в ладонях их уже не тает белый снег.

Сыграйте мне, нежные скрипки.
Светаает. Написан постскриптум,
И залит обрез сургучом.
Пора, грянет выстрел, и, вскрикнув,
Я в снег упаду на плечо.

Хочешь, эту песню не слушай.
Дверью хлопну — легче не станет.
Только не бередь мою душу,
Только не тревожь мои раны.

Снова с неба падают звезды,
Снова загадать не успею.
Жить мне, вроде бы, и не поздно...
Только просто так не сумею.

КАК УМИРАЮТ ЛИСТЬЯ

Как умирают листья
Осенью в дождь холодный,
Ветер сорвет и бросит
Красные горстья в грязь.

Первая вьюга свистнет,
Снег упадет, негодный,
Вот и пропало лето.
Кружится листьев вязь.

Как умирают листья...
Девочка с белым бантом
В школу букет кленовый
В тонких руках несет.

Горькой рябины кисти
Заволокло туманом.
Это ведь мама снова
В детство меня ведет...

Месят грязь башмаки,
И я по аллеям иду.
Что с тобою, мой друг,
Почему тебя нет,
Приходи, подожду.

Мы помянем вдвоем
Наших листьев пору,
Постоим, помолчим
Над обрывками чьей-то тетради.

Как умирают листья,
Так умирают песни,
Не в одночасье, тихо
Мы забываем их.

На карусели сырость...
На мухоморе плесень...
Вот и пропало лето
В сумерках дождевых.

* * *

На подоконник сядь,
Прижми глаза к губам.
Скоро начнет светать –
Все не расстаться нам.

Не лей напрасно слез,
Ты будешь снится мне
Копной густых волос
На поля простыне.

Меня не провожай –
Глазами проводи.
Не говори «прощай»,
У нас все впереди.

* * *

Мама сшила рубашку в тот памятный год,
Хотя шить никогда не училась.
Кто родился в рубашке — счастливым слывет,
Со мной именно так получилось.
Подмигнула судьба в сентябре, видно, мне,
Как доподлинно ныне известно.
Петроградской своей золотой стороне
Спел я самую-самую первую песню,
Спел я самую первую песню.

Я повадками — батя и батя с лица,
Благодарен фортуне за милость,
Так как мог бы иметь и другого отца,
Если б этого пулей убило.
До недавнего жил я дурным пацаном,
До недавнего внуком считался.
Когда гнуло к земле, шел я к бабушкам в дом
И без удержу в детстве зеленом купался,
И без удержу в детстве купался.

Мне везет, даже если совсем не везет,
По пословице старой живу я.
Худа нет без добра — зря не скажет народ,
Зная жизнь свою непростую.

И поэтому я ничего не боюсь:
Ни навета, ни денег, ни драки.
И поэтому я слишком часто смеюсь,
Даже если мне хочется плакать,
Даже если мне хочется плакать.

Мама сшила рубашку в тот памятный год,
Хотя шить никогда не училась.
Кто родился в рубашке — счастливым слывет,
Со мной именно так получилось.

ПЕСНЯ БЕЗ КОНЦА

Судьба непростая,
Другой не хочу...
То ночью летаю,
То утром кричу,
То конь мой взлетит
на отвесный утес,
То лодку стремнина
выносит на плес,
То мама опять
провожает в полет,
То где-то разбился
не мой самолет,
То песни на сто миллионов летят,
То петь одному человеку не рад.

Судьба непростая,
Да что мне с нее?
Над крышами стая
Все время снует.
То ангелов рой,
То чертей кавардак,
То счастья — горой,

ПЕСНЯ О ХОЛОДАХ

Я ломился в закрытую дверь,
Я смеялся и плакал...
Я кричал стенам: «Как же теперь?
Шьет на улицах саван метель,
И хозяин не выгонит в степь
На погибель собаку!»

Вкруг меня выростали дома,
Закрывали полнеба.
Я сошел от бессилья с ума
И гитару свою разломал,
Спохватился, да поздно — зима
Замела ее снегом...

Я озябшие пальцы тянул...
И клонился к груди головою,
А потом вдруг подумал — уснул...
Потому что увидел весну...
Захотел приложиться к кресту
И укрыться землею...